

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Валерий Владиславович СМИРНОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧувГУ),
Чебоксары, Российская Федерация
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>
SPIN-код: 3120-4077

История статьи:

Рег. № 372/2020
Получена 19.06.2020
Получена в доработанном
виде 07.07.2020
Одобрена 25.07.2020
Доступна онлайн
15.10.2020

УДК 338.2

JEL: E66, F01, O10, O11,
P10

Ключевые слова:

демпфер, кластер,
капиталистический цикл,
средства развития, темпы
прироста

Аннотация

Предмет. Развитие экономики России.

Цели. Выявление средств развития современной российской экономики, выделение сущности экономического роста в условиях современного капиталистического цикла.

Методология. Исследование основано на системном подходе с применением метода статистического и кластерного анализа.

Результаты. Посредством оценки медианы и критерия Фишера квартальных темпов прироста экономических и финансовых индикаторов, а также их кластеризации со статьями федерального бюджета выявлены отличия российской экономики: от социалистического Китая – по динамике роста ВВП и экспорта товаров; от ведущих капиталистических стран (Германии и США) – по снижению уровня безработицы. Определен источник активности России в процессе глобализации – рост индекса потребительских цен и девальвация национальной валюты. Выявлены признаки демпфера российской экономики в период кризисов и в период активного восстановления мировой экономики.

Область применения. Результаты исследования расширяют сферу знаний и формируют новые компетенции государственных органов власти для принятия управленческих решений по применению средств развития российской экономики.

Выводы. Средства развития российской экономики во многом определяются ее местом в мировой хозяйственной деятельности и ролью демпфера капиталистических циклов, с противоречивым развитием производительных сил и экономических отношений.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2020

Для цитирования: Смирнов В.В. К вопросу о средствах развития российской экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2020. – Т. 16, № 10. – С. 1881 – 1899.
<https://doi.org/10.24891/ni.16.10.1881>

Введение

Актуальность исследования применяемых средств развития современной российской экономики связана с оценкой адекватности использования факторов экономического роста в условиях определенного капиталистического цикла. Явно выраженный новый этап капиталистического цикла в мировой экономике – это кризис. Кризис характеризуется состоянием неадекватности средств достижения

цели сложившимся условиям. В то же время кризис – это признак развития системы, только у не развивающихся систем нет кризисов.

Понимание опасностей и возможностей для развития современной российской экономики позволит выявить факторы экономического роста и тем самым укажет на средства достижения цели сложившимся условиям. В свою очередь, применяемые средства позволят указать на соответствие производительных сил, создающих и укрепляющих основу экономики – материальное производство, сложившимся экономическим отношениям.

Материальное производство в контексте организации экономики является основным моментом в теориях А.Г. Аганбегяна, В.М. Полтеровича, С.Ю. Глазьева, указывающих на необходимость модернизации экономики России посредством новых методов управления. Именно модернизацию как практическую смену формы, через ее содержание. Смена формы обуславливает возникновение новой общественно-экономической формации, что противоречит сложившейся политике правящего буржуазного класса.

Теория А.Г. Аганбегяна сконцентрирована на условиях социально-экономического роста – достаточности инвестиций в основной и человеческий капитал, источником которых могли бы стать часть золотовалютных резервов и перехода к массовой приватизации государственных предприятий [1]. По сути, Аганбегян декларирует необходимость развития производительных сил без смены экономических отношений, не определяя пределы возможностей сложившейся общественно-экономической формации.

В.М. Полтерович изменил целевой вектор с проблемы смены общественно-экономической формации на создание экономической надстройки в виде государственной системы проектной деятельности и системы институтов догоняющего развития [2, 3]. В рамках существующих экономических отношений Полтерович пытается создать новые условия для развития производительных сил.

Сохраняя традиции преемственности экономических знаний, С.Ю. Глазьев указывает на необходимость восстановления фундаментального значения институтов национального государства как регулятора социальной и экономической активности, а также интегратора различных классов и групп населения на основе общих целей повышения народного благосостояния и качества жизни¹. Глазьев выделяет отличия от имперского правления государством и цивилизационной формой управления, предполагая устранить различия классов в сложившейся капиталистической общественно экономической формации.

Актуальность исследования применяемых средств развития современной российской экономики позволит выявить уровень возможностей сложившейся

¹Глазьев С.Ю. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса / Доклад подготовлен в рамках работы по государственному заданию Финуниверситета при Правительстве РФ по фундаментальной научно-исследовательской работе на тему: «Цикличность развития мирохозяйственных укладов». URL: <https://glazev.ru/articles/11-analitika-iprognozy/78462-finansovyy-universitet-opublikoval-doklad-s-glaz-eva-o-glubinnnykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa>

российской общественно-экономической формации в обеспечении экономического роста в условиях определенного капиталистического цикла.

Обзор литературы

В обзоре литературы рассмотрим применяемые средства развития экономики в современной мирохозяйственной деятельности. В глобальном масштабе средства развития экономики заложены в Целях устойчивого развития (ЦУР)² (*Sustainable Development Goals, SDGs*)³ и поддерживаются Организацией Объединенных Наций. ЦУР содержит 17 глобальных целей и 169 соответствующих задач, определяющих направление и порядок деятельности государств по улучшению благосостояния населения и защиты планеты:

- 1) ликвидация нищеты;
- 2) ликвидация голода;
- 3) хорошее здоровье и благополучие;
- 4) качественное образование;
- 5) гендерное равенство;
- 6) чистая вода и санитария;
- 7) недорогостоящая и чистая энергия;
- 8) достойная работа и экономический рост;
- 9) индустриализация, инновации и инфраструктура;
- 10) уменьшение неравенства;
- 11) устойчивые города и населенные пункты;
- 12) ответственное потребление и производство;
- 13) борьба с изменением климата;
- 14) сохранение морских экосистем;
- 15) сохранение экосистем суши;
- 16) мир, правосудие и эффективные институты;
- 17) партнерство в интересах устойчивого развития.

Определяя средства развития экономики в современной мирохозяйственной деятельности как способ достижения ЦУР, можно выделить следующие приоритеты. ЦУР 8, 9, 11, 12 – относительно экономического ресурса «земля» применяются субсидии, которые увеличивают предложение товаров сверх оптимальных объемов, но приводят к собственным потерям. Городские окраины

²Цели в области устойчивого развития. Организация Объединенных Наций.
URL: <https://un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

³ Там же.

получают скрытые субсидии на аренду земли от государственного предоставления общественных работ и гражданских услуг, которые оплачиваются в основном за счет налогообложения имущества, товаров и доходов, а не только стоимости земли, получаемой от этих общественных благ [4].

В контексте изложенного следует выделить значительную связь между пространственной интеграцией городских агломераций и характеристиками промышленного развития. В процессе пространственной интеграции городские формы, межгородские связи и их эволюция демонстрируют явные региональные различия. Из-за различий в социально-экономических и географических характеристиках городские системы более развиты и тесно связаны в развитых районах. Постоянно меняющийся характер экономической географии угрожает этому порядку [5]. Более высокие уровни промышленной диверсификации и конкуренции связаны с более слабыми межгородскими отношениями [6].

ЦУР 17 – одни сообщества вкладывают средства в способность государства частично грабить богатства других сообществ. Эти инвестиции являются формой погони за рентой, что влечет за собой вероятность выживания общества с низким уровнем развития [7].

ЦУР 8, 10 – неравенство в доходах приобрело заметный характер, усугубив экономическую нестабильность как в развитых, так и в развивающихся странах за последние несколько десятилетий. Однако нет четких доказательств в поддержку положения об экономическом росте наряду с финансовым развитием, что уменьшило бы проблему неравенства доходов. Более того, в большинстве развитых или высокоразвитых стран с высоким уровнем дохода также не используются преимущества финансового развития [8].

Финансовое развитие вносит значительный вклад в экономический рост через каналы физического капитала и общей производительности факторов производства [9]. При этом экономический рост оказывает положительное влияние на финансовое развитие [10, 11]. Так, по мере роста ставок заработной платы время ухода за семьей уменьшается из-за увеличения предложения рабочей силы. При высокой заработной плате время ухода заменяется финансовой поддержкой взрослых детей [12] и страхованием жизни [13].

ЦУР 9, 12 – экономика развивается за счет приобретения новых возможностей, позволяющих производить все большее разнообразие продуктов с возрастающей сложностью. Экономике отказываются от менее сложных продуктов по мере их развития с течением времени. Разнообразие сначала увеличивается, а затем уменьшается. Разнообразие продуктов не связано с экономической сложностью, поскольку взаимосвязь между разнообразием и сложностью зависит от стадии развития экономики [14], от капиталовложений [15].

В долгосрочной перспективе рост уменьшается или увеличивается в зависимости от функционального распределения доходов и условий торговли, а также в зависимости от догоняющих технологий и от уровня занятости [16].

ЦУР 3, 4, 8, 12 – целевые показатели экономического роста правительств, которые ограничивают расходы на общественные услуги, образование, науку и технику, и это приводит к стагнации человеческого капитала и технологического прогресса, сдерживая долгосрочный экономический рост [17]. Так, обрабатывающая промышленность в Китае потребляет больше энергии, чем в Германии, Великобритании, Франции, Испании и Японии вместе взятых и оказывает существенное влияние на энергосбережение и сокращение выбросов. Хотя влияние энергопотребления на инфраструктуру в центральных и западных регионах страны меньше, чем в восточном, энергоемкость западного региона в наибольшей степени снижается из-за строительства инфраструктуры [18].

Итак, основными приоритетами при определении средств развития экономики в современной мирохозяйственной деятельности являются следующие ЦУР: 3 – хорошее здоровье и благополучие; 4 – качественное образование; 8 – достойная работа и экономический рост; 9 – индустриализация, инновации и инфраструктура; 10 – уменьшение неравенства; 11 – устойчивые города и населенные пункты; 12 – ответственное потребление и производство; 17 – партнерство в интересах устойчивого развития.

Россия активно участвует в мирохозяйственной деятельности, занимая высокие места в международных рейтингах. Развитие экономики приводит к проявлению положительной динамики в объеме ВВП, глобальном инвестиционном индексе, рейтинге ведения бизнеса *Doing Business* [19].

Достижению приоритетных ЦУР должны способствовать мероприятия, заложенные в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. [20], которая формирует устойчивые связи всех уровней системы «государство – регион – предприятие» [21, 22].

Метод исследования

Для оценки развития российской экономики применим методы описательной статистики, включающие обработку эмпирических данных, систематизацию, наглядное представление в форме графиков и таблиц, их количественное описание посредством основных статистических показателей⁴. С помощью таблиц, диаграмм и сводных показателей описывается поведение каждой переменной. Таблицы, диаграммы и графики строятся с помощью MS Excel, IBM SPSS Statistics Software⁵. Описательная статистика оценивает массив данных по статистическим показателям. Статистический анализ выступает как метод сбора, изучения и представления больших объемов данных по признакам⁶ и взаимосвязям данных⁷, корреляционным

⁴King A.P., Eckersley R.J. Descriptive Statistics I: Univariate Statistics. In: *Statistics for Biomedical Engineers and Scientists*. 2019, pp. 1–21. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102939-8.00010-4>; Brownstein N.C., Adolffson A., Ackerman M. Descriptive Statistics and Visualization of Data from the R Datasets Package with Implications for Clusterability. URL: <https://doi.org/10.1016/j.dib.2019.104004>

⁵Fávero L.P., Belfiore P. Univariate Descriptive Statistics. *Data Science for Business and Decision Making*. 2019, pp. 21–91. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00003-3>

⁶Lazar J., Feng J.H., Hochheiser H. Statistical Analysis. *Research Methods in Human Computer Interaction*. 2017, pp. 71–104. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-805390-4.00004-2>

⁷Schofield S. Impressive Statistical Analysis. *Science and Public Policy*, 1993, vol. 20, iss. 3, pp. 214–215. URL: <https://doi.org/10.1093/spp/20.3.214>

взаимосвязям пространственных и временных рядов показателей, сохраняя методологию исследования.

Применение кластерного анализа обусловлено тем, что статистические методологии опираются на вероятностное понимание причинности⁸ и требуют обоснования связанности изменений оцениваемых показателей. Кластерный анализ, как многомерная статистическая процедура по сбору данных, содержащих информацию о выборке объектов и упорядочиванию объектов исследования в сравнительно однородные группы⁹, позволит разработать классификацию исследуемых объектов, выявить основные схемы их группирования, сформулировать гипотезы¹⁰.

Анализ

Эмпирическое накопление сведений о применяемых средствах развития современной российской экономики опосредовано оценкой:

- 1) медианы Me и критерия Фишера (F -тест) темпов прироста RG Q квартальных экономических и финансовых индикаторов – ВВП, индекса потребительских цен, товаров (стоимости экспорта), общих резервов (исключая золото), уровня безработицы стран, определяющих форму глобальной экономики;
- 2) кластеризацией RG Q экономических и финансовых индикаторов с RG Q статей федерального бюджета Правительства Российской Федерации.

В качестве анализируемых стран определены ведущие империалистические – США и Германия; социалистический Китай.

В результате оценки RG Q экономических и финансовых индикаторов за 2014–2019 гг. выявлено (табл. 1):

- по результатам F -теста разница между дисперсиями аргументов существенна: RG ВВП и RG товаров (стоимости экспорта) Китая; RG уровня безработицы Германии и США;
- высокие значения медианы Me : Россия – RG ВВП, RG индекса потребительских цен; RG общих резервов, исключая золото.

Итак, Россия отличается: во-первых, по динамике роста ВВП и товаров (стоимости экспорта) от социалистического Китая; во-вторых, по RG снижения уровня безработицы от империалистических стран – Германии и США. Россия опережает Китай, Германию и США по медианным значениям RG ВВП, RG индекса потребительских цен; RG общих резервов, исключая золото. Этот парадокс, не связывающий Россию ни с одной из существующих общественно-экономических формаций, есть первое средство развития российской экономики – рост

⁸Urlacher B.R. Complexity, Causality, and Control in Statistical Modeling. *The American Behavioral Scientist* (ABS), 2020, vol. 64, iss. 1, pp. 55–73. URL: <https://doi.org/10.1177/0002764219859641>

⁹Adolfsson A., Ackerman M., Brownstein N.C. To Cluster, or Not to Cluster: An Analysis of Clusterability Methods. *Pattern Recognition*, 2019, vol. 88, pp. 13–26. URL: <https://doi.org/10.1016/j.patcog.2018.10.026>

¹⁰Favero L.P., Belfiore P. Cluster Analysis. *Data Science for Business and Decision Making*. 2019, pp. 311–382. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00011-2>

индекса потребительских цен и девальвация национальной валюты, обеспечивают участие российского государства в доктрине глобализма, формируемой противоположенными общественно-экономическими формациями – капиталистической и начальной фазой коммунизма, социализмом.

В результате кластеризации $RG\ Q$ экономических и финансовых индикаторов с $RG\ Q$ статей федерального бюджета Российской Федерации за 2014–2019 гг. выявлено (табл. 2):

- отсутствие кластеров «Товары», «Стоимость экспорта» и «Уровень безработицы»;
- зависимость динамики ВВП и общих резервов, исключая золото, от определенного единства доходов, грантов, прочих доходов, расходов, движущей силой которых является динамика индекса потребительских цен.

Итак, федеральный бюджет Российской Федерации основан на динамике индекса потребительских цен. Отсутствие кластеров «Товары» (стоимость экспорта) и «Уровень безработицы» связано с отрицанием экономических теорий:

- 1) земельной ренты и распределения стоимости между различными классами (Д. Рикардо) – внутренняя монополия на реализацию углеводородов на мировом рынке;
- 2) общей теории занятости, процента и денег (Дж. Кейнс) – денежно-кредитная политика Центрального банка, которая ограничивается таргетированием инфляции, не затрагивая рост инвестиционного кредитования. Эта политика осуществима только за счет роста снижения доходов домохозяйств.

Отрицание экономических законов есть второе средство развития российской экономики. Совокупность двух приведенных средств формирует основание и условия, определяющие существование России в качестве сырьевой периферии для империалистических (США, Германии) и социалистических (Китая) стран.

Обсуждение результатов

Результирующие значения Me и F -теста RG экономических и финансовых индикаторов, а также структура кластеров $RG\ Q$ экономических и финансовых индикаторов с $RG\ Q$ статей федерального бюджета Российской Федерации указывают на различие применяемых средств развития современной российской экономики, сложившихся в мировой практике и соответствующих экономическим законам.

Россия отличается от социалистического Китая по динамике роста ВВП и экспорта товаров, темпам снижения уровня безработицы в империалистических Германии и США. Посредством высоких медианных значений RG ВВП, RG индекса потребительских цен; RG общих резервов (исключая золото) Россия активно (на уровне стран G7) участвует в процессе глобализации. Активность определяется ростом индекса потребительских цен (рис. 1) и девальвацией национальной валюты (рис. 2).

Это средство развития современной российской экономики влияет на структуру федерального бюджета Российской Федерации, который становится зависимым от индекса потребительских цен. Наличие внутренней монополии на реализацию углеводородов на мировом рынке и ограничение инвестиционных потоков на уровне портфельных оказывают негативное влияние на реальные доходы домохозяйств (*рис. 3*).

Совокупность применяемых средств развития современной российской экономики нарушает взаимообусловленную постановку задач ЦУР ООН: ЦУР 1 – ликвидация нищеты; ЦУР 7 – недорогостоящая и чистая энергия; ЦУР 8 – достойная работа и экономический рост; ЦУР 9 – индустриализация, инновации и инфраструктура; ЦУР 10 – уменьшение неравенства; ЦУР 12 – ответственное потребление и производство; ЦУР 17 – партнерство в интересах устойчивого развития.

Понимание империалистических стран и ряда крупных социалистических стран цели ЦУР 17 в отношении России связана с ее местом в глобальной экономике – сырьевой периферии, демпфера капиталистических циклов.

Признак демпфера российской экономики можно увидеть в колебаниях $RG\ Q$, экономических и финансовых показателях (см. *табл. 1*) кластеров RG потребительских цен, общих резервов (исключая золото) и статей федерального бюджета РФ (см. *табл. 2*), когда в период кризиса Россия по $RG\ Q$ ВВП и общих резервов (исключая золото) падает, как правило, в отрицательную зону, а по динамике роста потребительских цен выходит в лидеры относительно Китая, Германии и США.

В то же время в период активного восстановления мировой экономики Россия отстает по $RG\ Q$ ВВП и снижению $RG\ Q$ потребительских цен, активно наращивая $RG\ Q$ общих резервов (исключая золото). Особое внимание следует обратить на увеличение $RG\ Q$ общих резервов (исключая золото) в валютах США, Евросоюза (Германии) и Китая.

Итак, средства развития российской экономики опосредованы ее местом в мировой хозяйственной деятельности, мироустройстве, процессе глобализации. Это место связано с демпфером капиталистических циклов посредством роста индекса потребительских цен, снижения реальных доходов домохозяйств, девальвацией национальной валюты.

Выводы

Исследование применяемых средств развития российской экономики позволило выявить сущность проблемы использования факторов экономического роста в условиях современного капиталистического цикла. С изменением условий существования мирохозяйственной деятельности и пандемией Covid-19 эта сущность уже находится не в сфере производительных сил (А.Г. Аганбегян, В.М. Полтерович, С.Ю. Глазьев), а в системе экономических отношений – форме общественно-экономической формации (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин).

Современная российская экономика выпадает из классической, соответствующей экономическим законам, системы классификации стран по их общественно-экономической формации и типу развития. Россия из целостной социально-экономической системы превратилась в сырьевой демпфер капиталистических циклов не только для капиталистических, но и ряда социалистических стран. Процесс российского демпфирования капиталистических циклов в мировой экономике связан с ростом индекса потребительских цен, снижением реальных доходов домохозяйств и девальвацией национальной валюты.

Таблица 1

Темпы прироста ВВП, индекса потребительских цен, товаров (стоимости экспорта), общих резервов (исключая золото), уровня безработицы, %

Table 1

Growth rate of GDP, Consumer Price Index, Goods (Value of Exports), Total Reserves (net of Gold), Unemployment Rate, percent

Индикаторы	2014				2015			
	Q1	Q2	Q3	Q4	Q1	Q2	Q3	Q4
RG ВВП								
Россия	-13,9	10	7,9	7,7	-16,5	6,9	10,3	5,9
Китай	-16,4	11,2	5,8	9,3	-16,4	11,5	4,7	9,1
США	-3,3	3,9	2,2	1,8	-3,3	4,2	1,1	1,1
Германия	-0,7	0,1	3,3	1,6	-1,9	0,8	3,1	1,9
RG индекса потребительских цен								
Россия	1,9	2,6	1,6	3,1	8,1	2,3	1,5	2
Китай	1,3	-0,5	0,3	0,3	1,1	-0,3	0,7	-
США	0,8	1,2	0,1	-0,8	-0,5	1,2	0,3	-0,4
Германия	0,2	0,2	0,4	-0,3	-0,4	1,2	0,2	-0,6
RG товаров, стоимости экспорта								
Россия	-11,9	7,5	-4,9	-7,5	-22,4	1,4	-13,9	3
Китай	-17,5	16,2	11,3	1,7	-20,4	8,6	7	2,5
США	-4,3	4,6	-1,5	2,3	-10	4	-4,1	-0,3
Германия	1,4	0,4	-0,5	-4,9	-8,2	1	0,3	-1,4
RG общих резервов, исключая золото								
Россия	-5,7	-2,4	-5,3	-17,1	-8,9	1,4	2,9	-0,8
Китай	3,3	1,1	-2,6	-1,2	-3	-1	-4,8	-5,2
США	-0,2	0,7	-6,1	-5,5	-9,1	1	-0,1	-2,4
Германия	-0,8	-1	-1,5	-4,4	-1,6	-0,5	-2,6	-1,4
RG уровня безработицы								
Россия	0,6	-9	-3,3	6,8	10,3	-2,3	-6	8,2
Китай	0,7	-	-0,2	0,5	-1	-0,2	0,2	-
США	3,5	-12	1,1	-11,4	6,7	-9,1	-1,3	-8,3
Германия	9,4	-9,8	-0,7	-2,1	4,9	-6,7	-5,7	1,5

Продолжение таблицы

Индикаторы	2016				2017			
	Q1	Q2	Q3	Q4	Q1	Q2	Q3	Q4
RG ВВП								
Россия	-18,2	8,3	8,7	8,1	-14,4	6,5	8,2	8
Китай	-16	11,7	5,3	10,8	-14,5	11	5,3	10,7
США	-3,8	4,2	1,2	1,7	-3,4	4,6	1,6	2,5
Германия	-2,5	2,3	1,2	1,8	-1,2	0,3	2,8	2,2
RG индекса потребительских цен								
Россия	2,3	1,4	1	1	1,2	0,9	0,2	0,2
Китай	1,7	-0,3	0,2	0,5	1	-0,3	0,3	0,7
США	0,1	1,2	0,3	0,2	0,8	0,5	0,4	0,4
Германия	-0,5	1	0,6	-0,1	0,1	0,8	0,7	-0,2
RG товаров, стоимости экспорта								
Россия	-25,4	12,2	4,6	16,3	0,1	1,6	0,8	21,3
Китай	-24,2	15,1	4,4	4,1	-16,8	17,4	4,2	7,9
США	-6,5	4,8	-0,1	4,1	-1,4	3,2	-0,7	6,8
Германия	-1,5	7	-4,1	-0,7	3,1	3,2	6,1	2,9
RG общих резервов, исключая золото								
Россия	2,8	0,1	0,9	-4,4	4	4	2,2	1,4
Китай	-3,3	-0,2	-1,2	-4,9	-	1,6	1,7	1
США	2	0,4	2	-4,6	1,4	3	1,7	-0,5
Германия	3,9	1,7	-0,7	-3	-	1,6	0,9	-2,8
RG уровня безработицы								
Россия	2,9	-4	-7,1	2,5	3,1	-6	-3,8	1,3
Китай	-0,2	0,2	-0,2	-0,5	-1,2	-0,5	-	-1,3
США	8,3	-8,3	4,2	-8,7	7,4	-13	3,9	-11,4
Германия	2,2	-8	-4,8	-5,8	8,8	-8,1	-3,5	-2,8

Продолжение таблицы

Индикаторы	2018				2019				Me	F-тест
	Q1	Q2	Q3	Q4	Q1	Q2	Q3	Q4		
RG ВВП										
Россия	-10,8	10,4	9,1	5,6	-14,1	5,9	9,3	3,3	7,3	-
Китай	-14,8	10,8	4,7	10,5	-15,8	11,3	3,9	-	5,8	0,7
США	-2,9	4,6	1,3	1,9	-3,1	4,1	0,8	-	1,6	-
Германия	-2,1	1	1,1	2,8	-2	0,2	2,2	2	1,2	-
RG индекса потребительских цен										
Россия	0,9	1,1	0,8	1,1	2,1	0,9	0,1	0,2	1,2	-
Китай	1,3	-0,7	0,9	0,6	1	0,2	1,1	2	0,6	-
США	0,9	1	0,3	-0,1	0,3	1,2	0,3	0,2	0,3	-

Германия	–	1,2	0,8	–0,1	–0,6	1,6	0,6	–0,3	0,2	–
<i>RG товаров, стоимости экспорта</i>										
Россия	–1	7,1	1,8	11,3	–	–	–	–	1,5	–
Китай	–14,4	15,2	4,8	–	–	–	–	–	4,4	0,6
США	–1,3	6,2	–3,5	2,3	–3,2	1,7	–2,3	2,3	–0,2	–
Германия	5,5	–1,1	–5,1	–0,8	1,5	–2,7	–0,9	–0,3	–0,4	–
<i>RG общих резервов, исключая золото</i>										
Россия	6	0,3	0,8	–	4,2	5,1	1,2	4,9	1	–
Китай	0,1	–1	–0,8	–0,5	0,8	0,7	–0,8	0,5	–0,6	–
США	2,7	–1,1	–1,2	1,8	–0,5	2,8	–0,6	1,6	0,2	–
Германия	2,1	–2,4	–1,6	1,6	0,2	1,6	–1,1	–0,6	–0,8	–
<i>RG уровня безработицы</i>										
Россия	–	–5,9	–3,5	3,6	–	–	–	–	–1,2	–
Китай	–	–	–	–	–	–	–	–	–0,2	–
США	11,1	–11,5	0,9	–7,8	8,4	–6	–	–	–1,3	0,1
Германия	2,8	–4,6	–3,8	–5	–	–	–	–	–3,7	1

Источник: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database. URL: <https://imf.org>

Source: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database. URL: <https://imf.org>

Таблица 2

Кластеры темпов прироста индекса потребительских цен, товаров (стоимости экспорта), общих резервов (исключая золото), уровня безработицы и статей бюджета Правительства РФ, %

Table 2

Growth rate of GDP, Consumer Price Index, Goods (Value of Exports), Total Reserves (net of Gold), Unemployment Rate and Budgetary Central Government of Russia, percent

Кластер	Квадрат евклидова расстояния
ВВП	Доходы
	Гранты
	Прочие доходы
	Расходы
	Продажа нефинансовых активов
	Социальные выплаты
	Проценты
	Прочие расходы
	Использование товаров и услуг
	Субсидии и трансферты
	Чистое приобретение финансовых активов
	Баланс, профицит/дефицит
	Приток денежных средств от операционной деятельности

	Чистое изменение запаса наличных денег	9 224 575
	Обязательства	11 947 582,7
	Кредиты	15 892 057,4
	Внешние обязательства	16 673 885,3
	Внутренние обязательства	20 044 294,7
	Приток денежных средств от финансовой деятельности	32 874 945,7
	Внешние кредиты	54 154 430,2
	Внутренние кредиты	316 597 029,7
Индекс потребительских цен	Расходы	14 192,6
	Социальные выплаты	221 31,4
	Продажа нефинансовых активов	22 702,6
	Проценты	88 127,5
	Прочие расходы	117 254,5
	Использование товаров и услуг	133 678,8
	Субсидии и трансферты	483 367
	Чистое приобретение финансовых активов	1 807 279,9
	Баланс, профицит/дефицит	3 984 530,7
	Приток денежных средств от операционной деятельности	7 594 150,9
	Чистое изменение запаса наличных денег	9 221 709,8
	Обязательства	11 946 194,8
	Кредиты	15 883 086,5
	Внешние кредиты	16 670 941,7
	Внутренние кредиты	20 045 136,7
	Приток денежных средств от финансовой деятельности	32 875 283,8
	Внешние обязательства	54 155 553
	Внутренние обязательства	316 589 920,4
Товары, стоимость экспорта – отсутствуют		
Общие резервы, исключая золото	Доход	3 188,285
	Гранты	6 404,79
	Прочие доходы	10 183,15
	Расходы	14 539,1
	Социальные выплаты	22 320,1
	Продажа нефинансовых активов	22 887,3
	Проценты	88 571,5
	Прочие расходы	117 800,3
	Использование товаров и услуг	134 442,9
	Субсидии и трансферты	485 013,7
	Чистое приобретение финансовых активов	1 805 948,3

Баланс, профицит / дефицит	3 984 756,8
Приток денежных средств от операционной деятельности	7 593 273,7
Чистое изменение запаса наличных денег	9 217 701,7
Обязательства	11 939 033,1
Кредиты	15 884 543,5
Внешние кредиты	16 672 909,2
Внутренние обязательства	20 042 590,2
Приток денежных средств от финансовой деятельности	32 873 047,6
Внешние обязательства	54 156 430,1
Внутренние кредиты	316 562 746,8
Уровень безработицы – отсутствует	–

Примечание. Иерархический кластерный анализ – среднее расстояние между кластерами, квадрат евклидова расстояния.

Источник: данные табл. 1; International Monetary Fund, World Economic Outlook Database.

URL: <https://imf.org>

Source: Table 1, International Monetary Fund, World Economic Outlook Database.

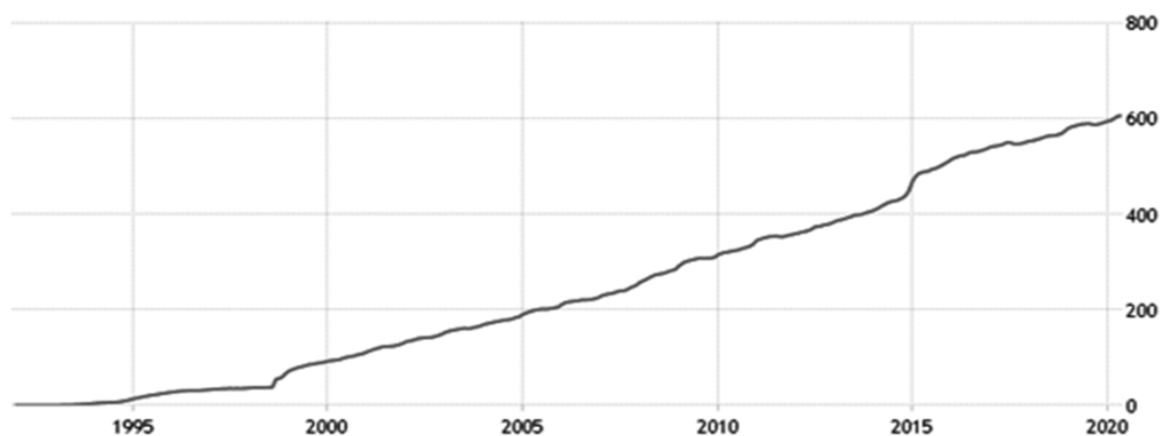
URL: <https://imf.org>

Рисунок 1

Динамика индекса потребительских цен, %

Figure 1

Consumer Price Index Dynamics, percent point

Источник: Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/consumer-price-index-cpi>

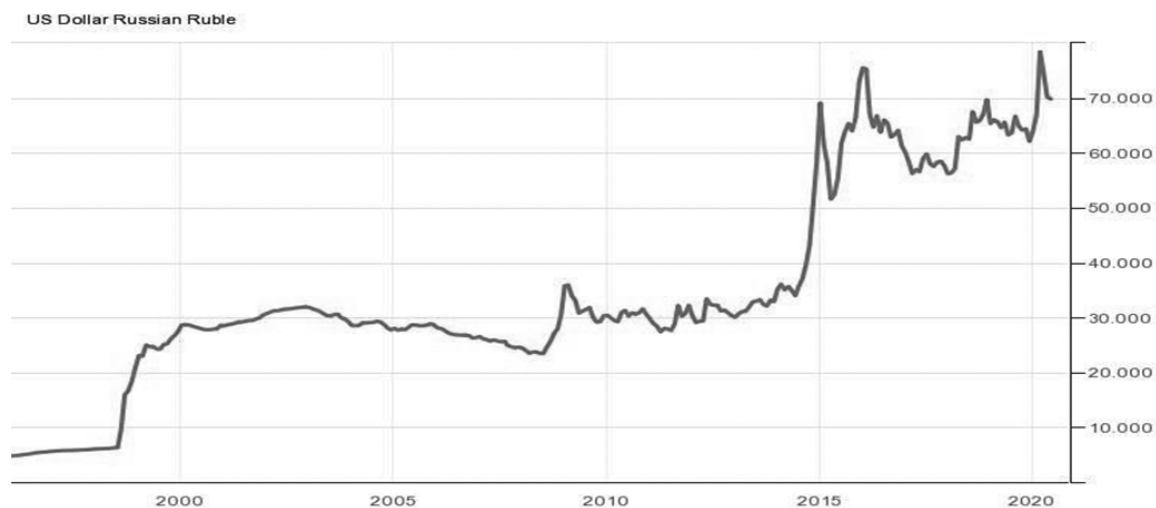
Source: Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/consumer-price-index-cpi>
(In Russ.)

Рисунок 2

Динамика валютного курса, долл. США/руб.

Figure 2

Trends in the exchange rate, USD/RUB

Источник: Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/currency>

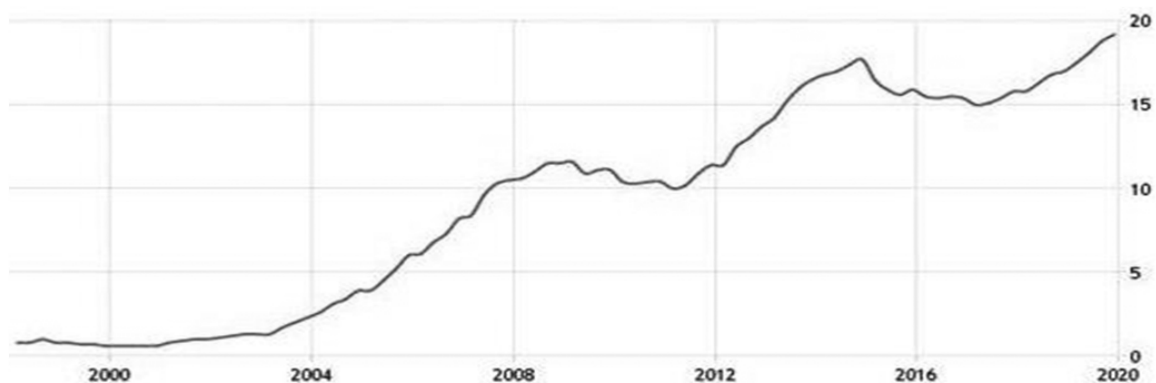
Source: Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/currency> (In Russ.)

Рисунок 3

Динамика долга домохозяйств, % от ВВП

Figure 3

Trends in the household debt, percentage of GDP

Источник: Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/households-debt-to-gdp>

Source: Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/households-debt-to-gdp> (In Russ.)

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.
2. Полтерович В.М. Реформа государственной системы проектной деятельности, 2018–2019 гг. // *Terra Economicus*. 2020. Т. 18. № 1. С. 6–27.
URL: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-1-6-27>
3. Полтерович В.М., Панчук Д.А. Диверсификация российской экономики за счет углубления переработки углеводородов: проблема индикативного планирования // *Энергетическая политика*. 2019. № 1. С. 57–66.
4. Foldvary F.E., Minola L.A. The taxation of land value as the means towards optimal urban development and the extirpation of excessive economic inequality // *Land Use Policy*. 2017. Vol. 69. P. 331–337.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2017.09.022>
5. Cox K.R. Local Economic Development, Politics of. In: *International Encyclopedia of Human Geography* (Second Edition). Elsevier Ltd., 2020. P. 207–211. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10103-9>
6. Liu Y., Zhang X., Pan X. et al. The spatial integration and coordinated industrial development of urban agglomerations in the Yangtze River Economic Belt, China // *Cities*. 2020. Vol. 104. Article 102801.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102801>
7. Geloso V.J., Salter A.W. State capacity and economic development: Causal mechanism or correlative filter? // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2020. Vol. 170. P. 372–385. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2019.12.015>
8. Kavva T.B., Shijin S. Economic development, financial development, and income inequality nexus // *Borsa Istanbul Review*. 2020. Vol. 20. Iss. 1. P. 80–93.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.bir.2019.12.002>
9. Yang F. The impact of financial development on economic growth in middle-income countries // *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2019. Vol. 59. P. 74–89. URL: <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2018.11.008>
10. Wang C., Zhang X., Ghadimi P. et al. The impact of regional financial development on economic growth in Beijing–Tianjin–Hebei region: A spatial econometric analysis // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2019. Vol. 521. P. 635–648.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2019.01.103>
11. Song C.-Q., Chang C.-P., Gong Q. Economic growth, corruption, and financial development: Global evidence // *Economic Modelling*. In press, corrected proof. Available online 20 February 2020.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.02.022>
12. Yakita A. Economic development and long-term care provision by families, markets and the state // *The Journal of the Economics of Ageing*. 2020. Vol. 15. Article 100210.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2019.100210>

13. *Balcilar M., Gupta R., Lee C.-C., Olasehinde-Williams G.* Insurance and economic policy uncertainty // *Research in International Business and Finance*. 2020. Vol. 54. Article 101253. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2020.101253>
14. *Van Dam A., Frenken K.* Variety, complexity and economic development // *Research Policy*. In press, corrected proof. Available online 18 March 2020. Article 103949. URL: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.103949>
15. *Wu M., Zhao M., Wu Z.* Evaluation of development level and economic contribution ratio of science and technology innovation in eastern China // *Technology in Society*. 2019. Vol. 59. Article 101194. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2019.101194>
16. *Spinola D.* Uneven development and the balance of payments constrained model: Terms of trade, economic cycles, and productivity catching-up // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2020. Vol. 54. P. 220–232. URL: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2020.05.007>
17. *Liu D., Xu C., Yu X. et al.* Economic growth target, distortion of public expenditure and business cycle in China // *China Economic Review*. 2020. Vol. 63. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2019.101373>
18. *Lin B., Chen Yu.* Will economic infrastructure development affect the energy intensity of China's manufacturing industry? // *Energy Policy*. 2019. Vol. 132. P. 122–131. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.05.028>
19. *Стародубцева Е.Б.* Россия в мировом хозяйстве: проблемы и перспективы // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2019. Т. 15. Вып. 1. С. 96–110. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.1.96>
20. *Василенко О.А.* Вопросы экономической безопасности и государственного управления в контексте стратегии экономической безопасности России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2020. Т. 16. Вып. 1. С. 60–79. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.1.60>
21. *Антипова О.А.* Теоретико-методологические основы устойчивого развития экономики // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2019. Т. 15. Вып. 3. С. 476–489. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.3.476>
22. *Шевченко И.В., Коробейникова М.С.* Экспорт углеводородов – финансовый генератор российской экономики и внешнеэкономической деятельности: возможности и перспективы // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2018. Т. 14. Вып. 5. С. 860–896. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.14.5.860>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

TO DEVELOPMENT DRIVERS OF THE RUSSIAN ECONOMY

Valerii V. SMIRNOV

I.N. Ulianov Chuvash State University (ChuvSU),
Cheboksary, Chuvash Republic, Russian Federation
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>

Article history:

Article No. 372/2020
Received 19 June 2020
Received in revised form
7 July 2020
Accepted 25 July 2020
Available online
15 October 2020

JEL classification: E66,
F01, O10, O11, P10

Keywords: damper,
capitalist cycle, cluster,
development tools, growth
rate

Abstract

Subject. The article focuses on the development of Russia's economy.

Objectives. The study attempts to discover development drivers of the Russian economy, the substance of economic growth during the contemporary capitalist cycle.

Methods. The study is based on the systems approach and methods of statistical and cluster analysis.

Results. Evaluating the median and the Fischer test of quarterly growth rates of economic and financial indicators and their clustering with federal budget, I discovered what distinguished the Russian economy from socialist China (the dynamics of growth in GDP and exports); from leading capitalist economies, such as Germany and the USA (a decrease in the unemployment rate). I determine what maintains Russia's activity during the globalization, that is, a growth in Consumer Price Index and the devaluation of the national currency. I discovered dampening signs of the Russian economy during crises and the active recovery of the global economy.

Conclusions and Relevance. What will drive the development of the Russian economy mainly depends on its position in the global economy and the dampening role of capitalist cycles, considering the contradictory development of productive forces and economic relations. The findings contribute to the knowledge and new competencies of public authorities to make administrative decisions on methods to advance the Russian economy.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2020

Please cite this article as: Smirnov V.V. To Development Drivers of the Russian Economy. *National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 10, pp. 1881–1899.
<https://doi.org/10.24891/ni.16.10.1881>

References

1. Aganbegyan A.G. [On immediate actions to reinvigorate social and economic growth]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 2019, no. 1, pp. 3–15. (In Russ.)
2. Polterovich V.M. [Reform of the project activity State system, 2018–2019]. *Terra Economicus*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 6–27. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-1-6-27>

3. Polterovich V.M., Panchuk D.A. [Diversification of the Russian economy by deepening hydrocarbon processing: The problem of indicative planning]. *Energeticheskaya politika = Energy Policy*, 2019, no. 1, pp. 57–66. (In Russ.)
4. Foldvary F.E., Minola L.A. The Taxation of Land Value as the Means Towards Optimal Urban Development and the Extirpation of Excessive Economic Inequality. *Land Use Policy*, 2017, vol. 69, pp. 331–337.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2017.09.022>
5. Cox K.R. Local Economic Development, Politics of. In: *International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition)*. Elsevier Ltd., 2020, pp. 207–211.
URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10103-9>
6. Liu Y., Zhang X., Pan X. et al. The Spatial Integration and Coordinated Industrial Development of Urban Agglomerations in the Yangtze River Economic Belt, China. *Cities*, 2020, vol. 104, Article 102801.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102801>
7. Geloso V.J., Salter A.W. State Capacity and Economic Development: Causal Mechanism or Correlative Filter? *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2020, vol. 170, pp. 372–385. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2019.12.015>
8. Kavva T.B., Shijin S. Economic Development, Financial Development, and Income Inequality Nexus. *Borsa Istanbul Review*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 80–93.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.bir.2019.12.002>
9. Yang F. The Impact of Financial Development on Economic Growth in Middle-Income Countries. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, 2019, vol. 59, pp. 74–89. URL: <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2018.11.008>
10. Wang C., Zhang X., Ghadimi P. et al. The Impact of Regional Financial Development on Economic Growth in Beijing-Tianjin-Hebei Region: A Spatial Econometric Analysis. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 2019, vol. 521, pp. 635–648. URL: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2019.01.103>
11. Song C.-Q., Chang C.-P., Gong Q. Economic Growth, Corruption, and Financial Development: Global Evidence. *Economic Modelling*. In press, corrected proof. Available online 20 February 2020.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.02.022>
12. Yakita A. Economic Development and Long-Term Care Provision by Families, Markets and the State. *The Journal of the Economics of Ageing*, 2020, vol. 15, Article 100210. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2019.100210>
13. Balcilar M., Gupta R., Lee C.-C., Olasehinde-Williams G. Insurance and Economic Policy Uncertainty. *Research in International Business and Finance*, 2020, vol. 54, Article 101253. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2020.101253>
14. Van Dam A., Frenken K. Variety, Complexity and Economic Development. *Research Policy*. In press, corrected proof. Available online 18 March 2020. Article 103949.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.103949>

15. Wu M., Zhao M., Wu Z. Evaluation of Development Level and Economic Contribution Ratio of Science and Technology Innovation in Eastern China. *Technology in Society*, 2019, vol. 59, Article 101194.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2019.101194>
16. Spinola D. Uneven Development and the Balance of Payments Constrained Model: Terms of Trade, Economic Cycles, and Productivity Catching-up. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2020, vol. 54, pp. 220–232.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2020.05.007>
17. Liu D., Xu C., Yu X. et al. Economic Growth Target, Distortion of Public Expenditure and Business Cycle in China. *China Economic Review*, 2020, vol. 63.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2019.101373>
18. Lin B., Chen Yu. Will Economic Infrastructure Development Affect the Energy Intensity of China's Manufacturing Industry? *Energy Policy*, 2019, vol. 132, pp. 122–131. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.05.028>
19. Starodubtseva E.B. [Russia in the global economy: Challenges and opportunities]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2019, vol. 15, iss. 1, pp. 96–110. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.1.96>
20. Vasilenko O.A. [Issues of economic security and public administration in terms of Russia's economic security strategy]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 60–79. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.1.60>
21. Antipova O.A. [Theoretical and methodological principles for sustainable economic development]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 476–489. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.3.476>
22. Shevchenko I.V., Korobeinikova M.S. [Hydrocarbon export is a financial generator of the Russian economy and foreign trade: Opportunities and prospects]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2018, vol. 14, no. 5, pp. 860–896. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.14.5.860>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.